

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЦЕНТР ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА»
ВАХИТОВСКОГО РАЙОНА Г. КАЗАНИ**

**Сценарий постановки
«Старое по-новому»
(по А.Н.Островскому)**

**Составила:
педагог дополнительного образования
Гордеева Ирина Владиславовна**

Казань - 2021 год

Старое по-новому

А. Н. Островский, П. М. Невежин

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Федосья Ивановна Семушкина, вдова, содержательница постоялого двора.
Пелагея Климовна, ее невестка, вдова.
Наташа, дочь Пелагеи Климовны.
Алексей Парфенович Медынов, землевладелец соседний.
Ефим Лукич Щемилов, прасол, с большим достатком, за сорок.
Семен Стойкий, по прозвищу Сенька рыжий, молодой парень, сын трактирщика.
Всеволод Петрович Пикарцев, землевладелец.
Пикарцева, его жена.
Евламий Михайлович, его племянник.

Комната на постоялом дворе Федосьи Ивановны.

I

Федосья Ивановна (в очках, сидит и читает) и Пелагея Климовна (входит).

Пелагея Климовна (в дверях). Пропasti-то на вас нет! (Оборотясь.)
Маменька, вы бы хоть кур-то с огорода спугнули. Останемся без гороху!

Федосья Ивановна. Ах ты, необразованная женщина! Разве не видишь, что я делаю?

Пелагея Климовна. То-то вижу... книжки божественные читаете, а за делом все я да я. У белоручки у нашей все из рук валится, а вы все о душе. С ног сбилась!

Федосья Ивановна. Подумай, что ты говоришь. Каменная! Такие потери... мужа лишилась, сына. Об чем же и думать мне, как не о душе?

Пелагея Климовна. Хорошо думать-то от сытости да у кого мужчина в доме. А у нас впору о куске позаботиться. У семи дел одна... разрывайся, как знаешь: и в поле, и в огород, и в кухню. Как в котле кипишь!

Федосья Ивановна. Глупая женщина! Да смеешь ли ты меня учить? Кто я тебе?

Пелагея Климовна. Э, маменька, этот форс-то надо оставить. Было ваше время, покомандовали! Дрожали перед вами, а теперь будет!

Федосья Ивановна. Да тогда только и порядок в доме был, как я командовала да тебя в страхе держала, А теперь что? От твоего бесовского языка и нам бежать из дому, да и добрые люди обегать стали.

Пелагея Климовна. Как раз! От меня! Эх, маменька! были соты медовые - были и гости; а осталась одна восчина, так и сесть не у чего. Летали-то вы куда как высоко, посмотреть, так шапка ломится... С господами компании, внучку в школу... А на бобах сели - и остался один смех. Чествователи ваши все врозь, а внучка ни к селу ни к городу. Уж куда нам нос задирать. А то книжки спасительные да о душе!

Федосья Ивановна. Я с тобой, с необразованной, и говорить не хочу. Грубиянка! Язычница! Можешь ли ты меня понять?..

Пелагея Климовна. Где понять! Понимала, понимала, да накладно стало. Вижу какой ни на есть умишко, да надо своим жить, а не вашим. Вы вон Сеньку рыжего прочите во двор взять, чтобы перед вами угодничал, так это дело не подойдет, нет-с, не подойдет. Нам надо не такого, а чтобы спокойствие предоставил. А то Сенька рыжий!

Федосья Ивановна. Что у тебя за затеи еще?

Пелагея Климовна. А те и затеи. Быть Наталье за Щемиловым, и вся недолга.

Федосья Ивановна. Да ты что, враг, что ли, своей дочери? Слишком на двадцать лет он ее старше, человек души язвительной. Одно прискорбие, вот и вся ее судьба с ним. Семен не хорош, так свет не клином сошелся. Обожди!

Пелагея Климовна. Чего? Чтоб слава пошла? Эх, маменька! Вы вон смотрите в книжку, да много ль видите, не знаю, а я все кругом поглядываю, все кругом, так кой-что вижу. (Тихо.) С барином прогулки пошли... Хорошего ждать прикажете?

Федосья Ивановна. Аль ты и вправду заметила что?

Пелагея Климовна. Ничего пока. А будем ждать - так и дождемся. Вы баловали, вы всему потакали, а я нет-с не буду!

Входит Семен.

II

Те же и Семен.

Семен. С праздником.

Федосья Ивановна. Здравствуй, Сеня.

Пелагея Климовна. Что ты сегодня приглаженный какой, словно тебя корова языком прилизала?

Семен. А что ж, ничего. Быдто мы и не люди?

Пелагея Климовна. Еще бы. В такое место шедши, как не прилизаться! Эх ты, рыжий! Стало быть, цвет-то и красный, а не очень прекрасный, ха-ха-ха. (Смеется и уходит.)

Семен. Федосья Ивановна, это за что ж так?

Федосья Ивановна. Оставь, Сеня. Ты знаешь, она на язык какова. Всякого костит. Садись-ка. Что скажешь хорошего?

Семен. Я-то? Что-то уж забыл о нем, о хорошем-то, Федосья Ивановна, я, значит, по делу. Тятка прислал.

Федосья Ивановна. По какому?

Семен. Узнать, какое выйдет решение; потому обнадежности с вашей стороны всегда было достаточно, а теперича вдруг другой оборот.

Федосья Ивановна. Эх, Сеня! Добрый ты парень, и очень бы мне хотелось тебя взять, да видишь, какие времена пришли. Нашему слову цены мало. Поговори сам с Наташей, попроси, а уж на меня не надейся.

Семен. Затем и пришел, чтобы, то есть, развязка была... А то и самому мне лихо, и от батьки брань.

Входит Наташа.

III

Те же и Наташа.

Семен. Наталье Михайловне.

Наташа. Здравствуйте, Семен Иванович.

Федосья Ивановна. Наташа, вот он пришел насчет того... ну, сама знаешь... Было мое на то желание; потому росли вы вместе, семьи он хорошей... Ну, а теперь ты уж можешь сама рассудить. Дело это большое. И советовать-то взять на душу трудно, а не то что приказывать.

Семен. Да, уж это верно, Наталья Михайловна; сами ответ дайте.

Наташа. Да я уж вам сказала.

Семен. Сказать-то сказали, да это все равно, что так... потому с гневом было.

Наташа. И с гневом и без гнева одно услышите: не могу и не хочу. Довольно?

Семен (вздыхнув). Теперь довольно. Значит, только и всего? Ну, Наталья Михайловна, дай вам бог час на предбудущее... а мы, известно, мотай головой, встряхивай тоску, да и сиди за печью, утирай вот эти места (показывает на глаза). Благодарим!

Наташа. Семен Иванович, ведь я, ей-богу, не хочу вас обидеть, а не пара мы. Вы найдете себе и не такую, как я, лучше гораздо: красивую, полную. А меня забудьте.

Семен. Легко это, оченно легко! Ровно гвоздь в стенку: стукнет молотком - и есть, а там дерг клещами - и нет. Нет, Наталья Михайловна, теперича во мне этой самой постылости к жизни с пудовку. Одно только и осталось, что зелено стекло к губам... Матушка Федосья Ивановна, родненькая! Благодарю вас за ваше неоставление. Выходит дело так: коли мужиком пустили по свету, так на барышню и не зарься. А только тепериче (утирает слезу) чувства у нас много... и так надо сказать, что без всякой фальши (ударяет себя в грудь). Прощенья просим.

Входят Пелагея Климовна и Щемилов.

IV

Те же, Пелагея Климовна и Щемилов.

Щемилов. Федосье Ивановне наше завсегдашнее. Наталье Михайловне.

Пелагея Климовна (Семену). Батюшки, да он в слезы впал! По ком это?

Щемилов. Хе-хе-хе, ай да парень! Пришел в люди и нюни распустил.

Семен. А вам что? Ну и распустил. Туда ж смеяться. А вы лучше спросите, о чем плачу. Вас увидал. От радости и прошибло.

Щемилов. А коли ты так - так не стоишь ты и разговору моего.

Семен. Вы чего стоите? Вам только там и цена, где на ваш карман взирают, а в ино место сунетесь, так и дверь на крючок.

Федосья Ивановна. Что это ты, Сеня, опомнись! Ступай себе; нехорошо. Ведь ты нас обижаешь.

Семен. Вас? Никогда я не согласен вас обидеть. Угодно - уйду. Э-эх, ну, значит, прощенья просим-с. (Уходит.)

Щемилов. Что это, матушка, Федосья Ивановна, как будто не рады гостю?

Федосья Ивановна. Ах, батюшка, ни радости, ни печали. Гость вы - ну и

прошу покорно. Наташа, пойдем-ка в огород.

Уходят.

Щемилов. Старушка-то ваша как будто что не по ней... Я ли, или что прочее...

Пелагея Климовна. От книжной премудрости. Читает, читает - ну, омраченье и находит. Садитесь, гость дорогой!

Щемилов. Там, в тележке, ведро очищенной...

Пелагея Климовна. Ах, что вы!

Щемилов. Полпудика баранок...

Пелагея Климовна. Ну, уж вы!

Щемилов. Сладенького фунтиков пяток...

Пелагея Климовна. Ах, и что ж это за вы!

Щемилов. Мы? Ничего, есть-таки. А главная причина, получайте и благодарите господ бога. Нам это плевое дело, а у вас расход.

Пелагея Климовна. Известно, что вам! Да не дорого добро, а дорога ласка.

Щемилов. Верно. Ласка всему почин. А что, Пелагея Климовна, не довольно ли нам друг друга языками лизать? Право. Надо и до делов доходить.

Пелагея Климовна. Что ж, доходить, так доходить.

Щемилов. А то, сколько ни лижи, только язык осмулишь. Коли дело, так дело и правь.

Пелагея Климовна. Послушаем.

Щемилов. Скажем. Гм, гм. Каждому человеку не равен час в жизни и на все предел. С прежней хозяйкой деньгу сколачивал, а теперь другая музыка подходит. Был мужик, а теперь на линию вышел. И не то чтобы там насчет чего прочего... а хочу, значит, настоящий обвиход завести. И чтоб жена насчет одеяния, образования и всякой видимости могла на манер как барыня. Вот какие мои помышления есть.

Пелагея Климовна. Что ж говорить, вам так и следует. Умный человек по-умному и рассуждает.

Щемилов. Вчера покойнице год минул, дотуда и ждал. Все как будто грех, да и зазорно. А теперь порешил не бобылем жить, а новую хозяйку облюбовать. И облюбовал. Подходит вам дело - просим, а не подходит - поклон отвесим. Кажется, из моих слов можете понять.

Пелагея Климовна. Как не понять! Что тут непонятного! Просьбу вашу принимаем, а за ответом дело не станет. Хорошему человеку - хороший и ответ.

Щемилов. На этом пока благодарим словом, а напредь будем благодарить и делом. Очень обрадовали.

Пелагея Климовна. Уж мое-то расположение вам известное; а вот как насчет дочери теперь?

Щемилов. Как? Политику поведем. На слове-то я не очень занозист, а в таком разе не хуже другого оборудую. Потому, подъему много, Пелагея Климовна!, Главная причина: подъем есть - и дух есть. Тут и быть делу. Как привезу из города на четыре платья, да эдак бурнусец... а особливо заблестят золотые сережки - ну тут сейчас и наша. Бери и владай.

Пелагея Климовна. Уж что говорить! Первое это средство.

Щемилов. Сейчас барина Медынова обогнал; на своей тележке трясется.

Пелагея Климовна. Должно, в город едет. Хороший барин такой, милый, ласковый.

Щемилов. Ну что в нем хорошего! Ни мужик, ни барин; ни себе, ни людям.

Служить бы шел, вот был бы барин настоящий. А что он тут, в именишке, живет да в земле копается, какой корысти ждет? Из-за готового хлеба на квас. Нешто он дело делает? Одно времяпроедание. А я так считаю, что эти люди даже вредные.

Пелагея Климовна. Да чем же они, Ефим Лукич, вредные? Извините, наше дело глупое.

Щемилов. Мужика портят.

Пелагея Климовна. Да, вот что. Конечно, вам виднее; где же нам разобратъ. Только какая же это порча, и от чего она?

Щемило в. А вот, к примеру, раздают мужикам в долг хлеб на семена; мужик как взял, так, весом и мерой, отдал ему и квит. А от этого от самого мужик балуется. У меня займи попробуй!

Пелагея Климовна. Уж что говорить про вас! Вы строгий человек.

Щемилов. Так долг-то долгом, уж он мне вечный работник даровой.

Входят Медынов и Наташа.

V

Те же, Медынов и Наташа.

Медынов (входя.). А, Лазарь Подхалимыч! Каково ваша душенька теплится? Каково ваши карманы отдуваются?

Пелагея Климовна. И что за шутник!

Щемилов. Милостью божьею живем, через добрых людей дышим. Что ж спесивы стали? Мимо ездите, а нет, чтоб во двор стукнуть.

Медынов. Запоры у вас крепки, скоро ли отворишь, а нам время дорого.

Щемилов. Хе-хе-хе, все-то вредные слова у него. Ну, Да ничего. Времецко подбежит, и ваша тележечка у наших ворот застучит. А вы, Наталья Михайловна, не обессудьте за малость... фунтиков с пяточек вам сладенького привез. Нашего сладенького откушайте и нас добрым словечком вспомните.

Наташа. Ах, пожалуйста, не нужно мне.

Пелагея Климовна. Давайте, давайте. Съест и спасибо скажет.

Щемилов. И чудесно. Будьте здоровеньки.

Уходит. Пелагея Климовна провожает его.

Медынов. Ишь расщедрился! Ну, теперь вам сладкой еды надолго хватит. При скучной-то жизни все занятие. Что подделываете?

Наташа. Ничего.

Медынов. Опять у вас ничего? Вы хоть бы как-нибудь иначе выражались. Самое это гнусное слово: ничего.

Наташа. Ну, делала, делала, много делала, слышите! Полола, сеяла, подсевала, поливала...

Медынов. Ого, так, так, хорошо. Хоть и не дело, а и не безделье. Все лучше, чем мечтанием заниматься. Вот уж это так самое пустое занятие, хуже, чем ничего.

Наташа. Да ведь не отгонишь от себя эти мысли. То да другое лезет в голову, а сама ответить не могу... Понимаю одно, что не к месту я здесь, а что делать - не знаю.

Медынов (громко). Бросьте! Бросьте вы! Все это фантазии, ерунда какая-то! (Хватаясь за голову.) Гадость! Мерзость! Нет, лучше не говорите, а

то пять фунтов крови испорчу.

Наташа. За что же вы сердитесь? Что я вам сделала?

Медынов. Разумеется, мне-то ничего. А злость так вот всего и поворачивает. Не хочу я, чтобы вы себя губили. Думать, думать! Ну, где вам думать! Чтобы думать-то с пользой, надо хороший прочный инструмент иметь, то есть ум.

Наташа. Ау меня его нет?

Медынов. Да разумеется, нет. Да еще, кроме ума-то, надо иметь много знания да хороший опыт. И я думал, страсть как думал; хотел быть благодетелем не только отечества, а и всего человечества. И в результате от этого думанья вышла праздность со всеми ее скверными последствиями. Тут уж я хватился за ум; приехал в деревню, взялся за соху Андревну - и вышло дело, да и в благодетели попал. В самом деле, двое, не то трое мужичонков благодетелем зовут.

Наташа. У вас школа в имении?

Медынов. Да, сколотился, построил; да учительницы нет... Вот не хотите ли?

Наташа. Что вы, что вы! Ребятишек грамоте учить? Разве это дело?

Медынов. Что ж, профессором университета желаете быть?

Наташа. Ах, нет!.. Но ведь и в учительницы можно итти только из-за куска хлеба; а у меня, слава богу, есть.

Медынов. Знаю, что есть. И не только хлеб, а и щемилевские пряники... Грызите да мечтайте. Около работы живете, а белоручествуете. Гадко это.

Наташа. Вы меня не понимаете. Гадко - ну и пусть будет гадко. Вам-то что до этого?

Медынов. Мне? Конечно. Обидно только за вас... ну, и смешно немножко, что без крыльев летать сбираетесь. Как тут смолчишь? Щемилеву вот я ни слова не скажу, живи, как хочешь, ну, а мимо вас молча не пройдешь.

Наташа. Ну, не сердитесь! Я знаю, что вы от расположения, только я думаю по-своему, а по-вашему не могу.

Медынов. А будете думать и по-моему, когда жизнь научит... Все это будет, непременно будет... Да школа-то житейская... ох! очень мнет человека.

В окне слышится голос Евлампия: "Хозяюшка дома?"

Наташа. Дома, дома.

Медынов. Батюшки, да это паны, и толстопузые и тонконогие. Нет, надо уходить. Пойду в огород к Федосье Ивановне чай пить. А вы с ними деликатными разговорами позаймитесь! Уж чего приятнее!

Наташа. Да не ворчите вы...

Уходят. Входят Пикарцев и Евлампий.

VI

Пикарцев и Евлампий.

Пикарцев (входя). Прелестной хозяйшке... А где же? Гм, сокрылась. Приладиться, пригладиться. Нельзя же перед своим предметом предстать как-нибудь.

Евлампий. Перестаньте! Какой там предмет! Вы знаете, что срок моего отпуска кончается, я скоро уезжаю, так стоит ли...

Пикарцев. Хитришь, птенец, хитришь! Послушай, дружочек, не огорчай уж меня. Зачем ты скрываешься? Разве это худо? Если бы я поверил, что ты можешь быть подле такой девушки и не ухаживать, я бы стал презирать тебя. Нежненькая, беленькая, этикие плечики, пальчики, этакая тальница... Знаешь, видна даже некоторая порода. Откуда бы, кажется?

Евламий. Мне очень нравится, что вы рассматриваете человека по статьям, как лошадь.

Пикарцев. Это значит только, что я человек со вкусом. До души, мой друг, далеко; первое, что привлекает внимание эстетика, это изящество формы. Все прекрасное находит во мне ценителя, и преимущественно, разумеется, женщина как венец творения.

Евламий. Сегодня же заведу об этом разговор с тетужкой.

Пикарцев. Ну, ну, ну, не изволь глупить. Ты ведь, я знаю, думаешь, что я ее боюсь. И это глупо. Неприятности избегаю. Надоело. К хорошенькой горничной ревновала, к скотнице ревновала, даже раз, представь, к попадье.

Евламий. И, верно, всегда напрасно.

Пикарцев. Ну, как тебе сказать... не всегда. Видишь, как я откровенен, открыт, а ты словечка не проронишь. Поговори же, ну, прошу тебя, поговори, напomini счастливые дни...

Евламий. Нет, дядюшка, не напому. Эта манера доброго старого времени толковать беспрестанно о женщинах и хвастаться победами уж давно брошена.

Пикарцев. Что же теперь?

Евламий. Делай, что можно, что умеешь, а говорить не должен ни о чем.

Пикарцев. Глупо и неприятно. Но по крайней мере какие вы приемы употребляете?

Евламий. Новые; все новое, дядя, все новое. Вы очень много помады тратили и расточали любезностей; а теперь способ упрощенный и ускоренный.

Пикарцев. Ах, любопытно, любопытно...

Евламий. Ну, да хоть и любопытно, а не скажу.

Пикарцев. Ты несносный, право несносный. Ну, однако, ты смотри не проговоришь тетужке как-нибудь, а то не только мне, и тебе худо будет.

Показывается Наташа.

Идет. Удалиться? Хе-хе, удалюсь, удалюсь.

VII

Те же и Наташа.

Пикарцев. Хорошеет, цветет и все интереснее и очаровательнее.

Наташа. Куда уж. Видите, как загорела? Садитесь, пожалуйста.

Пикарцев. И рад бы, да не могу. Пойду искать вашу бабушку. Она, верно, где-нибудь копается, как муравей. Приятной беседы. (Уходит.)

Евламий. Что поделяваете?

Наташа. Что? Скучаю.

Евламий. Верю. Вы не можете не скучать. Я жалею вас.

Наташа. Ах, я не люблю, когда меня жалеют. Я вовсе не несчастная какая-нибудь.

Евламий. А разве я говорю, что вы несчастная? Вы не так поняли меня. Мое сожаление - это болезненное участие к вашему положению. Осмотритесь! Где

вы? Здесь ли вам место? Вы учились - и для чего же? Для того, чтоб отвешивать, отмеривать, насыпать, пересыпать и так далее. Да для этого годится всякая Хавронья или Фетинья.

Наташа. Не говорите со мной, пожалуйста, об этом.

Евламий. Отчего?

Наташа. Так. Не говорите. Я не хочу.

Евламий. Значит, не трогать за больное место.

Наташа. А если и так? Разве вам это удовольствие? Ведь вы не можете помочь мне.

Евламий. Здесь? Конечно, нет. Но там, где вы должны быть, - всегда и охотно.

Наташа. Где же это, где?

Евламий. Там, где вы можете найти применение ваших способностей и знаний. Первое, бегите отсюда, ищите жизни, ищите дела. Если вам будет нужна помощь, поддержка, вот вам рука моя. Вы еще не знаете всей прелести независимой, самостоятельной жизни.

Наташа (потупясь). Зачем мне она?

Евламий. Затем, чтоб жить, а не прозябать. Неужели вы думаете, что женщина непременно должна быть затворницей?

Наташа. Нет, я не думаю.

Евламий. Женщина может быть таким же деятелем, как и мужчина. Да еще лучше, пожалуй, потому что женщина способнее на всякий подвиг, в ней больше самоотвержения.

Наташа. Все это я знаю и видала примеры.

Евламий. И прекрасно... Так чего же вы сидите и глохнете в этой трущобе? Или русская неподвижность мешает?

Наташа. Да, я неподвижна, потому что... невозможно.

Евламий. Невозможно! Вы чувствуете на себе цепи, думаете, что они очень крепки, а, поверьте мне, стоит только встряхнуться, и нет их. Эти цепи называются предрассудками.

Наташа. Но у меня мать, бабушка...

Евламий. Ну, так что же? Вы решаетесь принести себя в жертву для их спокойствия, так, что ли?

Наташа. Хоть бы и так.

Евламий. Таких жертв не приносят; это все равно, что самоубийство, все равно, что заживо похоронить себя.

Наташа. Однако мой долг...

Евламий. Долг? Очень громкое это слово... Да уж не в самом ли деле вы думаете, что ваш единственный долг утешать двух старух и отмеривать овес? Этот долг, эту священную обязанность, может исполнять каждая наемная баба за полтора рубля в месяц. Если вы будете думать только о долге и о своих обязанностях, так всегда будете жить для других, вечно будете в услужении у кого-нибудь. Вы не забывайте, что у вас есть права.

Наташа (подняв голову). Какие?

Евламий. Такие же, какие имеет всякое живое существо: право жить для себя, а не для других. Вам дает права ваше воспитание и ваш возраст. Ведь молодость-то один раз в жизни бывает. Придет пора, ваше сердце запросит любви, а кто откликнется вам, кто здесь поймет вас? А кто и поймет, тот пройдет мимо.

Наташа (с некоторым испугом). Мимо? Отчего же мимо?

Евламий. Да кому ж охота засиживаться в этой непросветной глуши? Люди умные, дельные стремятся к свету, к умственным центрам, а здесь остаются

люди отсталые и ленивые, которые только воображают, что они дело делают, а в сущности, небо копят да, в оправдание своей лени, философствуют и поучают нравственности.

Наташа. Как вы верно говорите, какая все это правда!

Евламий. Пройдет молодость, что же будет тогда, Наталья Михайловна?

Наташа. Я думаю, что я буду жить так же, как и все здесь живут.

Евламий. Нет, не так: они не плачут, а вы плакать будете. Озлобитесь, будете проклинать себя, что погубили молодость, не воспользовались ее радостями, загубили даром силы, молодые, хорошие, годные на благородный труд, годные для осуществления возвышенных стремлений.

Наташа. Да... да... вы правы... (Порывисто.) Зачем вы мне это говорите?

Евламий. Для того чтоб вы думали, думали, тогда для вас будет легче первый решительный шаг.

Наташа. Ах, я и то думаю, много думаю, но что от моих дум! Остается одно в голове, что все это хорошо, но не для меня.

Евламий. Почему не для вас? Именно для вас. Я говорю с вами, убеждаю вас совершенно бескорыстно. Вы видите, я не любезничаю, не ухаживаю за вами, я призываю вас к делу. Удастся мне пробудить вас от спячки, зронить в вас первые мысли о другой, новой жизни - вот моя и награда, я буду счастлив. Конечно, первая любовь девушки, первый огонь в ее глазах обаятельны, но я прежде всего... человек дела.

VIII

Те же и Пелагея Климовна.

Пелагея Климовна. Евламий Михайлович, дядюшка вас ожидает. Что это она насупилась так? Уж не на вас ли обиделась?

Евламий. О нет!

Пелагея Климовна. То-то. А то ведь она у нас деревенская, простая, к вашим барским деликатностям не привыкла. Пожалуйте к дяденьке. Ну что за разговор с девчонкой, какой антирес?

Евламий. Сейчас иду. До свиданья, Наталья Михайловна.

Уходит. Пелагея Климовна за ним, останавливается в дверях, смотрит молча на Наташу и, покачав головой, уходит.

Наташа (стоит одна, задумавшись). Ах, да... какая разница!.. Вот поговоришь с умным человеком... как тяжело станет здесь, в этой избе, в этом огороде... точно тебя душит что... Не глядела бы ни на кого.

Входит Медынов.

IX

Наташа и Медынов.

Медынов. Убрались паны? Слава богу. Экий народец! Что он вам тут...

Наташа. Ах, нет, не говорите... постойте! У меня есть просьба к вам.

Медынов. Что вам угодно?

Наташа. Только обещайте, что вы ее исполните!

Медынов. Извольте.

Наташа. Вы очень хороший человек, мне не хотелось бы с вами ссориться...

Медынов. Да в чем просьба-то?

Наташа. Оставьте ваши нравоучения и всякую заботу обо мне! Представьте себе, что я совершеннолетняя и в уроках не нуждаюсь.

Медынов. Но, Наталья Михайловна...

Наташа. Нет, нет, ни слова больше... Вы обещали, так должны исполнить; а то я принуждена буду бегать от вас, а мне этого не хочется.

Медынов. Ну, бог с вами, прощайте!

Наташа. Не говорите так, я не люблю и боюсь этого слова. Скажите: до свиданья.

Медынов. До свиданья.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Пикарцев.

Евламий.

Федосья Ивановна.

Пелагея Климовна.

Наташа.

Медынов.

Семен Стойкин.

Декорация: площадка с редкими деревьями, отделяющая усадьбу Пикарцевых от постоянного двора Федосьи Ивановны, угол которого виден направо. На авансцене, направо, два ореховых куста; между ними столик и скамья.

I

Пелагея Климовна (выходит в раздумье).

Пелагея Климовна. Вот вы, други мои, какие делишки завели... славно! На-ко, не наглядятся друг на друга! Нет, это дело надо прикончить поскорей.

Показывается Пикарцев.

II

Пелагея Климовна и Пикарцев, потом Евламий.

Пелагея Климовна. Всеволод Петрович, батюшка, а я только что к вам хотела итти. Защитите!

Пикарцев. От кого это, матушка? Грудью стану, лишь бы только не против благоверной. Там уж я пас.

Пелагея Климовна. Племянник ваш сокрушает, - совсем скружил дочку у меня.

Пикарцев. Те-те-те, ну, так, ну, так.

ПелагеяКлимовна. Посудите сами, разве из этого что хорошее может выйти?

Пикарцев. Ну да... хорошего не выйдет... хе-хе-хе, не выйдет. Вот нынче какой народ-то стал. Это не то, что мы. Мы тоже, бывало, срывали цветы удовольствия, да только там, где можно, где запрету нет; а нельзя, ну и мимо. Разок, другой чмокнешь где-нибудь в укромном местечке... на память - и отойдешь. Мы совесть знали, а теперь разбору нет, теперь подряд...

Пелагея Климовна. Верно, верно. Креста на людях не стало. Так как же, батюшка?

Пикарцев. Насчет племянника-то? Пристыжу, пристыжу.

Пелагея Климовна. Что его стыдить. Это ему как с гуся вода.

Пикарцев. Ну, тогда другие меры найдем, смирим! Ведь это для вас, а чего я для вас не сделаю! Господи, господа, смотрю я на вас, та ли это щечка, которую я когда-то чмокнул?

Пелагея Климовна. Да, батюшка, время большое дело. Вот и я смотрю на вас, да думаю, та ли это щечка, по которой я когда-то... (Делает удар.)

Пикарцев. Да... да... помню, помню... Ох, вы!

Пелагея Климовна. Ну, уж тоже и вы! Да на вас и теперь еще угомону нет. Ишь глазами-то так и раскидывает!

Пикарцев. Мои глаза про душу говорят. Молоденькая она у меня!

Пелагея Климовна. Вижу, ох, вижу! Ну, так как же, батюшка, думаете вы об этом деле? Вот если б вы тетеньке сказали.

Пикарцев. Ну уж нет. Я ж буду виноват. Я у ней всегда виноват.

Пелагея Климовна. Батюшка, по старой памяти, сделайте вы для меня такую милость, объясните вы ей все, да чтоб и потатчицу-бабушку приструнила хорошенько, потому совсем отбила от меня дочку. Я со строгостью, а она заступаться. Вот своевольницу и вырастила. Все по лесам, да все прогулки... да разговоры... совсем с толку сбил он деву.

Пикарцев. Гм, как бы это устроить? Если я начну говорить - испорчу только; а ступайте-ка вы сами, да этак, в слезы... А тут и я подвернусь. Что-нибудь и выйдет. Уж пусть же страдаю за вас. А ведь вы еще и теперь ничего... в аппетите.

Пелагея Климовна. Да будет вам. Ах, проказник!

Пикарцев. Нет, право! Вы еще... того... так что я и опять непрочь... (Приближается.)

Пелагея Климовна. А вон, смотрите-ка, племянник идет.

Пикарцев. Ах, чорт его возьми! Ну-с, я уйду, но только вы от меня не уйдете... Вспомним старину... и помолодеем, может быть, хе-хе-хе. (Уходит.)

Пелагея Климовна (вслед). Ну, еще бы. Самое время! Ах, старый шут! А вот и молодой!

Показывается Евлампий.

Ишь, порхает, ишь, порхает! А ведь неспросту. Здравствуйте, Евлампий Михайлович. Прогуляться вышли?

Евлампий. Да, пройтись немножко.

Пелагея Климовна. Хорошее дело. Одному-то, чай, скучно?

Евлампий. Да... конечно... А впрочем, все равно.

Пелагея Климовна. Погуляйте, погуляйте, что ж, дело молодое! А нам вот не до прогулок. (Уходит.)

III

Евламий (один), потом Семен.

Евламий. Однако ее не видно. Обещала притти - и нет. Это довольно неприятно. Не мешало бы ей быть поаккуратней. Дождаться здесь неудобно. Погуляю тут неподалеку. Идет. Навстречу ему Семен с гармошкой в руках, играет и поет:

Парень речку перешел, свою любушку нашел.

Семен. Здравствуйте, барин. Евламий (нехотя). Здравствуй.

Семен. Здравствуй! Что, барин, больно губы-то оттопырил? Я тебе учтиво, а ты фыркаешь?

Евламий окидывает его взглядом и молча уходит.

Таращ, таращ бельмы-то! Не испугаешь, я не из пугливых. Эхма! (Играет и поет.)

Парень речку перешел, свою любушку нашел.

Входит Федосья Ивановна.

IV

Федосья Ивановна и Семей.

Федосья Ивановна. Что ты, беспутный, делаешь? Посмотри на себя.

Семен. А мне только и делов осталось, что фантазию свою успокаивать.

Федосья Ивановна. Глупый ты, глупый! разве этим поправишь? Не пришлось, ну и оставь, забудь.

Семен. Матушка, Федосья Ивановна, нешто скоро забудешь? Ни вовек. А я вот зелено стекло к губам, а фортепьян в руки - шлифуй, да и полно. Вот так-то как-нибудь, может, и ушибу себя! (Наигрывает).

Федосья Ивановна. Цыц ты! Надо бы тебя за волосы.

Семен. За волосы-то? Это было. И неоднократно. Видите, лезут? (Показывает.) Родительская ласка. А я говорю: клочь! Ключь, говорю! Дураком пустил по свету - и дошибай. Меня бы в науку да в полировку, а он за стойку. Теперь, стало быть, и выходит, на что я Наталье Михайловне? Она вон манерная, а я дурак. Ну, значит, облизнись, да и зуди. Эх, ты! Ходи изба, ходи печь, чтоб хозяйке негде лечь...

Входит Наташа.

V

Те же и Наташа.

Наташа. Бабушка, что это у нас за срам? Подумают, кабак.

Семен. Извините. А насчет непристойностей мы нисколько.

Наташа. Чего еще хуже. Бабушка, прикажите ему уйти. Придет кто-нибудь, ведь совестно.

Семен. Эх, Наталья Михайловна, а вы пожалейте. Тепериче по моей склонности к вам - ходи да поглядывай, где омут поглубже.

Наташа. Какое мне до этого дело. Вам сказано все. Бабушка, прикажите ему уйти.

Семен. Наталья Михайловна! За что гоните? Вы во мне один только изъян видите, а не душу. А душа-то почище, чем у прочих, и даже много превосходней.

Федосья Ивановна. Уйди, Сеня, уйди.

Семен. Уж одно дело. У меня тепериче подперло в горле, ровно ком стоит, - так-то любо от этих самых слов. А выходит, это малодушество. Надо вот как: это вот самое прочь (утирает слезы) - и шлифуй! Эх ты, травка, муравка моя! (Идет к дверям, наигрывая.) Зуди, знай! (Уходит.)

VI

Федосья Ивановна и Наташа.

Наташа. Бабушка, что вы нахмурились? Недовольны вы моим обращением с Семеном?

Федосья Ивановна. Всем я недовольна, голубка ты моя. Тяжело жить. Та ли я стала? Гордая я была. Муж был крутой человек, а при мне громко разговаривать не смел. Князья, графы ни к кому помимо меня заезжать не хотели на двор да с собой рядом саживали чай пить. Значит, стоила чего-нибудь. А теперь куда все пошло? Смотрю - и глазам не верю. Дом пустеет, порядка не стало, над советом моим смеются. Немила жизнь! Только ты, моя радость, и дорога мне. О тебе одной ноченьки напролет думаю, чтоб жила в счастье да со мной не расставалась. Вот и думала Семена во двор взять. А теперь и сама вижу, не пара ты ему, а кто тебе под пару - не пойдет к нам. Ну вот и горюю: неужели ж тебе в люди идти иль за немилого замуж отдать? Уж лучше мне закрыть глаза, чем дожидаться этого.

Наташа. Бабушка! Не тоскуйте. Бог даст, все устроится, и может быть... скоро... скоро...

Федосья Ивановна. Утешаешь меня? Или... говори же, если есть что. Не скрой от меня, любушка моя.

Наташа (опустив голову). Я еще не знаю... Бабушка! Я не могу сказать. Может быть, это одни мечты мои... может быть, это одни надежды... Я надеюсь... я жду... а будет ли... Да, бабушка! Отчего ж не быть? Разве я не стою счастья?

Федосья Ивановна. Скажи же, Наташа, хоть словечко, на что ты надеешься?

Наташа (закрыв лицо руками). Нет, бабушка, нет! У меня так сладко на душе, так сладко, а слов нет.

Федосья Ивановна. Наташа, понять-то я поняла. Что ж... дело девичье... обыкновенное. Только меня сомнение берет.

Наташа. Какое?

Федосья Ивановна. Ответу да привету душа твоя ищет, да найдет ли?

Наташа (молча смотрит на нее и потом тихо). Найдет!

Федосья Ивановна. Ну, давай тебе бог! О-ох, молодость, молодость! У всех ты одна.

Уходит. Входит Евлампий.

VII

Евлампий и Наташа.

Евлампий. А, наконец-то. Уж я в другой раз прихожу. Не грешно заставлять дожидаться? Да что с вами? Вы не рады, что я пришел?

Наташа. О нет, нет! Очень, очень рада.

Евлампий. Не вижу. Не заметно что-то.

Наташа. Ах, я немного расстроена.

Евлампий (сядась). Понимаю. Домашние дразги. Кошка съела молоко, собака утащила хлеб... ха-ха-ха.

Наташа (с горечью улыбаясь). Ну да, ну да, что ж еще может быть у нас.

Евлампий. Нет, уж вы хоть при мне-то позабудьте, пожалуйста, как поют петухи, кудахтают куры.

Наташа. Ах, да не то, совсем не то. Ваши слова не выходят у меня из головы. И прежде мне было тяжело, а теперь я, право, не знаю, куда мне деться.

Евлампий. И прекрасно. Это большой шаг вперед. Можно надеяться, что скоро это стоячее болото вам окончательно опротивеет, и вы броситесь из него без оглядки.

Наташа. Да куда, куда броситься-то?

Евлампий. Туда, где люди дело делают и живут по-человечески.

Наташа. Ах, опять только намеки! Я не так хорошо образована, как вы, я не могу ясно понимать ваших слов, и это меня мучает, я ведь страдаю. Пожалейте меня! Скажите мне прямо, куда я должна идти и что делать!

Евлампий. Ишь чего вы захотели! Согласитесь сами, нельзя же о таких вещах разговаривать так, для проведения времени. Я могу говорить с вами серьезно, когда увижу в вас твердую и непоколебимую решимость. Иначе это выйдет профанация; болтать о серьезных делах я считаю непрослительным малодушием.

Наташа. Моей решимости вам недолго дожидаться... Придется вам за меня богу отвечать... Вот что сделали со мной ваши разговоры!

Евлампий. А ваши разговоры, знаете, что со мной сделали?

Наташа. Что же? Надоели вам?

Евлампий. Нет. Я полюбил вас.

Наташа (с испугом). Ах!

Евлампий. Чего вы испугались? Это нисколько не мешает делу. Эта любовь заставляет меня принимать в вас гораздо более участия, чем я ожидал, эта любовь заставит меня разделить все ваши стремления... мы пойдем рука об руку. Что же тут страшного? Скажите мне, а вы-то? .. Неужели вы совсем равнодушны, неужели ваше сердце совершенно холодно ко мне?

Наташа. Нет... я давно думаю о вас.

Евлампий. Только думаете?

Наташа. Нет... Я вам благодарна... вы все для меня.

Евлампий. Говори, говори, Наташа! Дай волю своему чувству!

Наташа (робко). Я люблю вас.

Евлампий. Ну, конечно, я так и ожидал. Я ведь зорек; я видел, что у тебя под тихой, спокойной внешностью таится горячее сердце, которое ждет только первой искры, чтобы вспыхнуть. (Хочет обнять Наташу.)

Наташа (освобождаясь). Нет, позвольте... Я люблю вас, но...

Евламий. Холодно, Наташа, холодно.

Наташа (страстно). Я люблю тебя, очень люблю... Я решилась, я пойду за тобой, куда хочешь... Только не мучь меня, скажи мне яснее все, все...

Евламий. Наташа, помилосердствуй! У меня в душе огонь, на языке слова ласки и любви, а ты о деле. Успеешь, успеешь... Дай пройти первым порывам страсти. (Обнимает Наташу.)

Наташа (освобождаясь). Вот, кажется, подъехал Медынов. Он сейчас сюда придет.

Евламий. Ты приходи сюда уже вечером.

Наташа. Приду, приду.

Евламий. Так до свидания, милая моя Наташа! (Хочет поцеловать ее.)

Наташа. Ах, нет, что ты! Нет, не надо.

Евламий. Ну, вот уж и капризы, сейчас и капризы. Хороша любовь!

Наташа. Да нет... я такая робкая... Я люблю, люблю. Ну, вот тебе! (Целует Евламия и отбегает.) А ты правду говорил, - жизнь хороша. (Уходит.)

Евламий. Как женщины-то однообразны при всем своем разнообразии.

Входит Медынов.

VIII

Евламий и Медынов.

Медынов. Здравствуйте. Кажется, Евламий Михайлович?

Евламий. Непременно.

Медынов. Гулять изволите?

Евламий. Как видите.

Медынов. Странно довольно; люди по полям и рощам гуляют, а вы по задворкам.

Евламий. Ничего нет странного. Это мой вкус.

Медынов. Конечно. Мы живем в глуши, пням молимся, где же нам понимать ваши столичные вкусы? Давно я искал случая переговорить с вами.

Евламий. Что ж к нам не жалуете? У тетушки в деревне всем двери открыты.

Медынов. Да не охота идти к вашей тетушке. Больно уж там на нашего брата смотрят свысока. А я этого терпеть не могу, когда люди, не имея никакого права, высоко нос держат. А вот здесь встретился с вами, ну и кстати. Не побрезгуете побеседовать?

Евламий. Мне бы некогда, ну а впрочем... что вам угодно?

Медынов. Надолго вы к нам изволили пожаловать?

Евламий. Я погостить приехал.

Медынов. Стало быть, на отдых?

Евламий. На какой отдых? От чего мне отдыхать?

Медынов. Ну как от чего? Ведь делаете же вы что-нибудь? Ведь, поди, где-нибудь в канцелярии, в уголку, перушко в руках держите?

Евламий. Знаете, я вам откровенно скажу, меня удивляет эта манера провинциалов вмешиваться... в чужие дела.

Медынов. Уж с тем возьмите! Мы по-деревенски, попросту. Да и отчего не спросить? Какая в этом обида?

Евламий. Я ничего не делаю, то есть не работаю, я не поденщик, не

мастеровой, я просто живу. Живу в столице, приезжаю пожить и в деревню.

Медынов. И не скучаете?

Евламий. И не скучаю.

Медынов. Удивительно.

Евламий. Что?

Медынов. Ничего не делаете и не скучаете.

Наташа показывается из своего дома; с другой стороны Семен.

Это способность, хоть и не очень дорогая, а все-таки довольно редкая.

Евламий. О занятиях и образе жизни просвещенных людей я говорить с вами, извините, считаю лишним. Не понятно это для вас. Вы, кажется, только одно дело, одно занятие признаете: землю копать да гряды полоть.

Медынов. А чем же дурно это занятие? Уж все-таки лучше и честнее, чем деревенских девок с толку сбивать.

Евламий. Что за тон! Какое вы имеете право мне это говорить?

Медынов. Будто все по праву делается. Я так, без права. Вы вот по какому праву глазами меня измеряете? Вы испугать, что ли, меня хотите, или стыд свой маскируете? Кабы вы не по праву, а по совести действовали, так бы и стыдиться было нечего.

Евламий. Знаете, ваши рассуждения могут доставить удовольствие и позабавить.

Медынов. Ну, так и забавляйтесь скорей; дальше уж, пожалуй, не так забавно для вас будет.

Евламий. Вас подослал кто-нибудь ко мне с этими разговорами?

Медынов. Что меня подсылать! Я и сам знаю, что хорошо, что дурно. А лучше вы уйдите от греха! Стыдно это и не благородно!

Евламий. Чувствительно благодарен за совет.

Медынов. Это не совет.

Евламий. А что же?

Медынов. Первое предостережение.

Евламий. Так и будем знать. Наталье Михайловне Мое почтение. (Уходит.)

IX

Наташа, Медынов и Семен.

Семен. Оглоблей его хорошенько да ноги переломать, так дело-то короче будет.

Наташа (подходя в сильном волнении, но стараясь быть сдержанной). Позвольте! Кто же просил вас... наблюдать за мной?

Медынов. Что вы, что вы! У вас, кажется, слезы на глазах?

Наташа. Да, от стыда! Как вам не совестно, как вам не совестно! Что вам нужно? Вам уж сказано, что не надо мне вашего участия. А вы все-таки не оставляете меня в покое и обижаете людей, которые гораздо лучше вас и которых вы не понимаете.

Медынов. Вот как. Кого же я не понимаю?

Наташа. Евлампия Михайловича.

Медынов. Понимать его нетрудно; он так пуст, что насквозь видно.

Наташа. Вы не пусты! Что в вас особенного? Вы только представляете из

себя проповедника... Да не обманете никого, всякий видит, что вы человек отсталый.

Медынов. Отсталый? Я-то? От чего же это я отстал? Разве кто-нибудь бежит уж очень быстро... Так ведь за всяким не угоняешься.

Наташа. Уж, конечно, вам не угоняться! Оттого вы и злы, оттого вы и браните людей, которые умнее вас. Это зависть!.. Завидовать нехорошо, стыдно... гадко!..

Медынов. Так, так, отлично! Бранитесь, бранитесь! Только как вам будет совестно после, и уж вот как вы за эти слова будете у меня прощения просить.

Наташа. Я? У вас? Да я и не увижу вас больше никогда.

Медынов. Вот так штука! Как же это так?

Наташа. Очень просто. Да я и не желаю вас видеть... Вы стали невыносимы для меня! Вы меня преследуете! Вы навязываетесь мне со своей опекой! Вы не даете мне жить! Я ненавижу вас! Я не могу видеть вас! Я... я... я сама не знаю, что мне делать! Оставьте меня! Оставьте! (Уходит.)

Семен. Не выгорает наше дело. Гармонию, барин, заведи себе, вот как я, и шлифуй.

Медынов. Да я было и то гармонию завел, да расстроилась она у меня; не знаю, Сеня, придется ли и настроить!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Федосья Ивановна.

Пелагея Климовна.

Наташа.

Пикарцев.

Капитолина Евгеньевна, жена его.

Евламий.

Медынов.

Семен Стойкин.

Декорация второго действия.

I

Входит Пелагея Климовна, за ней Пикарцев и Пикарцева.

Пелагея Климовна (униженно кланяясь). Очень, очень я вами благодарна, что сами изволили пожаловать.

Пикарцева. Я этому не хочу верить. Неужели он решился? Mon cher {Дорогой мой.} отчего же вы мне не сказали раньше? И теперь уверены ли вы вполне?

Пикарцев. Гм, то есть... Как сказать... очень вероятно (Подмигивает Пелагее Климовне.)

Пелагея Климовна. Матушка, верно. Неужели бы я пошла зря срамиться и беспокоить вас? А то сами посудите: материнское ведь сердце-то... дрожит, ох, как оно дрожит.

Пикарцева. Ах, любезная, мне совсем не нужно ничего знать о вашем сердце; но... ведь он мой племянник! Разве он мне не племянник?

Пелагея Климовна. Как же, как же, племянник.

Пикарцева. И он решился! Это ужасно! Живет в моем доме - и вдруг...
(Пикарцеву.) А вы? Что же вы смотрите? Почему не прекратите?

Пикарцев. Я... я прекращу! Я... непременно прекращу!

Пикарцева (окинув его презрительным взглядом). Ах, кому я говорю!

Пелагея Климовна. Матушка, Капитолина Евгеньевна, осмелюсь я доложить вам, без вас никто этого прекратить не может. Все ведь только перед вами страх и имеют.

Пикарцева. О да!

Пелагея Климовна. Опять же тут главная причина - бабушка потатчица. Я со строгостью, а она - заступаться. Верите, как это прискорбно, и так это прискорбно, что даже и сказать не умею, только и терпеть мне больше нету силы-возможности.

Пикарцева. Фи, какие нравы! Mon cher, куда вы отходите? Будьте здесь.

Пикарцев. Я здесь, я здесь!

Пикарцева. Безнравственности я не потерплю и племяннику моему, конечно, сделаю строгий выговор, но ведь, душа моя, если ваша дочь...

Пелагея Климовна. Матушка, о том и прошу, чтоб бабушку приструнить, потому через нее все. У нее от книжной премудрости в уме омрачение, она и внучке разные такие неподобные мысли внушает... насчет женитьбы...

Пикарцева. Mon cher, слышите! Вот куда пошло! Mesalliance! {Неравный брак.} Это Пикарцев-то!

Пикарцев. Как же, слышу. Хе-хе... губа-то у них не дура; ну, да и он не дурак.

Пелагея Климовна. Ну, а уж где нам! Мы свое место завсегда должны понимать. Стало быть, кроме худой славы, ничего не выйдет. Матушка, облагодетельствуйте, сократите бабушку!

Пикарцева. Хорошо, хорошо. Так вот она какая святоша! (Строго.) Зовите ее сейчас.

Пелагея Климовна. Матушка, только уж вы не дайте заметить про меня чего-нибудь.

Пикарцева. Зо-ви-те!

Пелагея Климовна. Бегу, бегу. (Уходит.)

Пикарцева. Что вы скажете?

Пикарцев. Я? Гм... ничего.

Пикарцева (строго). Что вы скажете?

Пикарцев (про себя). Ишь ты прилипла! (Громко.) Да что ж мне сказать? Ничего.

Пикарцева (язвительно). Вы не знали? Вы? Да вы всякую шашню поощрять готовы и, может быть, даже советы давали.

Пикарцев хочет говорить.

Молчите! Так вы не знали?

Пикарцев. Уверяю...

Пикарцева. Молчите! Вы, который весь век безбожно обманывали меня? И вы не заметили?

Пикарцев хочет говорить.

Молчите, говорю я вам! Разве вы не ужасаетесь последствий?

Пикарцев. Н-да... последствия всякие бывают.

Пикарцева. Вы осмеливаетесь еще шутить? Mais c'est affreux! {Это ужасно!}

Пикарцев. Молчу. Не буду.

Пикарцева. Скажите ему, что я недовольна. Я бы сама могла, но это слишком грязно. Скажите, что он огорчил меня. Скажите, что он Пикарцев. Скажите, что я Пикарцева.

Пикарцев. И что я Пикарцев. Ух! Все скажу.

Входит Федосья Ивановна, за ней Пелагея Климовна.

II

Те же, Федосья Ивановна и Пелагея Климовна.

Федосья Ивановна. Здравствуйте, Капитолина Евгеньевна, доброго здоровья.

Пикарцева. Благодарю.

Федосья Ивановна. Подивилась, что сюда позвать изволили. Прежде не гнушались и мой угол осчастливить своим посещением.

Пикарцева. Я вами недовольна, очень недовольна.

Федосья Ивановна. Прошу извинить. Немножко делами порасстроились. Осень придет, продадим огородное - все сполна заплачу.

Пикарцева. Разве я говорю об аренде? Ma chere! {Дорогая моя!} Вы не говорили ли чего-нибудь?

Федосья Ивановна. Если не за это, так уж я и не знаю, что такое неуютное мы вам сделали.

Пикарцева. Почему мой племянник бывает часто у вас?

Федосья Ивановна. Это уж вы его спросите, матушка. Мы каждому гостю рады.

Пикарцева. Гм, каждому! Так ли это? Я к вам всегда была очень добра, а вы как отблагодарили меня? Племянник мой молод, горяч, благороден, как все Пикарцевы, а вы смотрите сквозь пальцы на ежедневные прогулки его с вашей внучкой. На что это похоже: молодой человек... молодая девушка... и вдруг прогулки вдвоем! Что же вы смотрите? Почему не устраните?

Федосья Ивановна. Надобности не видела устранять-то.

Пикарцева. А! Стало быть, вы надеетесь на что-нибудь? Это хорошо, tres bien! {Очень хорошо!}

Пелагея Климовна. Вот, маменька, хорошо этикие выговоры-то выслушивать? Говорила я, все говорила...

Федосья Ивановна. Молчи, ступай прочь!

Пелагея Климовна (ворча). Теперь ступай прочь... (Уходит в дом.)

Федосья Ивановна (с волнением). Капитолина Евгеньевна, никаких я мыслей на вашего племянника не имела, а что бывает он у нас и гуляет с внучкой, - в этом беды не видела. Не бесчестье вашему племяннику гулять с Наташей, и не мне бы слушать от вас такие ваши разговоры. Обеднели мы, придавили нас горе и несчастье, а то после ваших слов не осталась бы на вашем дворе.

Пелагея Климовна и Наташа выходят из калитки.

Пелагея Климовна (тихо, Наташе). Полюбуйся-ка, что из-за тебя тут идет!

Пикарцева. Скажите, сколько гордости! И в ком же? В мещанке!

Пикарцев. Ну вот... зачем же вы так...

Пикарцева. Finissez! {Оставьте!} А вам, моя милая, в последний раз

говорю (с расстановкой), чтоб этого не было. Вы знаете, я шутить не люблю и не посмотрю, что вы так долго живете у меня, откажу вам.

Федосья Ивановна. Капитолина Евгеньевна...

Пикарцева. Больше никаких разговоров не нужно. Я вам сказала все. Вот ваша любезная внучка! Вот она, скромница! Нет, моя милая, напрасны ваши ухищрения. Чтобы в нашей семье, в нашей фамилии... *mesaillance!*.. Это смешно! Ха-ха-ха! Этого быть не может, я не допущу. *Mon cher*, куда же вы ушли?

Пикарцев. Я здесь, я здесь!

Пикарцева. Проводите меня.

Пикарцев и Пикарцева уходят.

III

Федосья Ивановна, Пелагея Климовна и Наташа.

Пелагея Климовна. Что? Хорошо? Каково это нам терпеть-то из-за тебя? Что выпучила глаза? У, бесстыдница.

Наташа. Не знаю, маменька, что тут у вас за разговоры, что этой барыне нужно... за что вы на меня напали, что я сделала дурного?

Пелагея Климовна. На что хуже. Да ты ласточку-то невинную из себя не строй. Я ведь не бабушка, мне глаза не застелишь.

Федосья Ивановна. Пелагея, оставь! Не время теперь брань заводить; нужно о деле говорить, да говорить толком, без гаму. Что пользы от крику-то!

Пелагея Климовна. Ну, вот и чудесно. Опять я виновата! Всего лучше. Ну, нет уж, маменька, теперь ау! Покорялась вам... Не еще ль покоряться прикажете? Нет, Уж довольно... Видим мы, что из вашей команды-то вышло. А тебе вот мое последнее слово: чтоб ты об этом барине и думать забыла! И не вводи ты меня в грех! А то ты от меня то увидишь, чего и не ожидаешь. Никогда с тобой не шутила, а теперь и подавно. Шашни брось, слышишь! А коли память коротка, так завяжи узелок, да так из рук и не выпускай. (Уходит.)

Федосья Ивановна. Про какие она шашни говорит?

Наташа. Не знаю; я знаю только, что оскорбляют меня. (Плачет.)

Федосья Ивановна. Плакать-то не надо. Да из чего дело-то вышло?

Наташа. Да разве вы маменьку не знаете? Для нее лучше Щемилова человека нет на свете, вот из чего.

Федосья Ивановна. Понимаю теперь. То-то она все об спокойствии говорит. Уж на что спокойнее: выдала дочь за богатого мужика, кулака, и сиди целый день сложа руки да пей чай. Вот она о каком счастье для себя задумала. Она не понимает да и понимать не хочет, что деньги-то Щемилова - мирские слезы. Может быть, оно, по нашему званию, так и следует; а уж я-то, признаться, от этой жизни и от мужицких порядков отстала, да и тебя-то отучила.

Наташа. Для меня эта жизнь хуже смерти.

Федосья Ивановна. Тебя отдала в школу, а сама взялась за книги... да за какие книги!.. Из всех книг книги!

Наташа. Бабушка, чему вы научились из этих книг?

Федосья Ивановна. Любить людей.

Наташа. Да ведь одной-то любви мало, надо делать для них что-нибудь.

Федосья Ивановна. Само собой, нешто я не понимаю. Закон-то нам велит не только что добро людям делать, а и душу свою положить, коли нужно. Ну, я что

могу, делаю; а уж для большого-то дела стара стала. Вот как война была, так много женщин и девушек в сестры милосердия ушли; вот уж это святое дело, уж на что еще праведней! Кабы помоложе была, ушла бы непременно.

Наташа. И я с вами, бабушка.

Федосья Ивановна. Ты? Словно как рано тебе-то? А ведь и то сказать, как кому бог даст. Шли всякие: и старые, и молодые. Молодой-то итти на подвиг, за ближнего пострадать, еще угодней богу; старый-то человек уж отжил, его ничто не манит; а молодому-то еще пожить хочется, всего попытать. Ведь жизнь-то и радости дает человеку, да не всегда грешные, есть и хорошие радости, богу не противные. Да ежели человек для рая и ближнего от всего этого откажется, уж чего еще лучше, так-то святые только жили.

Наташа. Бабушка, да ведь не одни сестры милосердия добро делают; можно и другое полезное дело найти.

Федосья Ивановна. Это я так, к слову сказала: а мало ль подвижников и в мирное время, и незнаемых, и не слышно о них; а добро-то их все у бога на счету.

Наташа. Бабушка, а что, если я чувствую призвание?

Федосья Ивановна. Какое призвание, Наташа?

Наташа. Послужить людям.

Федосья Ивановна. Что ж, это дело хорошее.

Наташа. Если я... уйду от вас?

Федосья Ивановна. Уйдешь? Куда уйдешь?

Наташа. Это все равно для вас... Я решилась, бабушка, твердо решилась; здесь мне делать нечего, а дело делать надо.

Федосья Ивановна. Постой, постой! Как же это? Ведь мне умирать скоро; кто ж мне глаза закроет? Я думала век с тобой не разлучаться. Я тебя вынянчила, вырастила, я в тебя всю душу положила.

Наташа. Знаю, бабушка, что вы меня любите, знаю. Так... уж коли любите, не удерживайте.

Федосья Ивановна. Нет, как удерживать! Смею ли я? Может, и вправду бог тебя благословил на доброе, на хорошее дело. Останавливать тебя нельзя: какой грех-то на душу примешь! А и пустить жаль, да и страшно: соблазну в мире много.

Наташа. Не бойтесь, бабушка, не такая я.

Федосья Ивановна. Конечно, я тебе не в укор говорю. Ты в страхе божьем воспитана. Да соблазн-то нынче больно хитер стал, всякую личину надевает, не скоро его разберешь. Какой еще у тебя ум, много ль ты жила на свете! Надо мне с тобой об этих делах житейских толком поговорить. Авось ты не сейчас от нас?

Наташа. Нет, бабушка... я еще не знаю.

Федосья Ивановна. То-то; уж тогда простимся как следует, оплачу я тебя.

Наташа. Бабушка, да ведь не в могилу; еще увидимся.

Федосья Ивановна. Как знать? Мои такие года, что за один день поручиться нельзя... У тебя колечко-то мое, что я тебе подарила?

Наташа (с улыбкой). У меня, бабушка, вот оно!

Федосья Ивановна. Да ты не смейся! Дешевенькое оно, серебряное, а ты его носи - не снимай да посматривай на него почаще, оно с молитвой, вот бабушку и будешь вспоминать. А надоест оно тебе, так не бросай; больно обидишь меня. Ты мне его по почте пришли, так я и буду знать, что ни бабушка, ни молитвы ее тебе уж не нужны.

Наташа. Да, бабушка... да что вы! Я его никогда не сниму.

Федосья Ивановна. А отпустить я тебя отпущу с благословением... Ну, я в

малинник пойду... словно как у нас поспела... погляжу. (Уходит.)

Наташа. Ну вот, у меня точно камень с души свалился, бабушка отпускает. Что ж теперь меня может удержать здесь?.. Ничто мне не дорого. Прощай, родное гнездо!

Входит Семен.

IV

Наташа и Семен.

Семен. Наталье Михайловне.

Наташа. А, это вы, Семен Иваныч. Я хочу вас просить.

Семен. С полным удовольствием. Что угодно?

Наташа. Сходите к Евлампии Михайловичу.

Семен. К ему? Вот так раз!

Наташа. Да. И попросите сейчас же притти сюда.

Семен. А вот и другой! Это для чего же будет?

Наташа. А это уж не ваше дело. Сходите, если хотите мне сделать удовольствие.

Семен. Это мы можем, коли для вас удовольствие составляет. Только не вышло бы наоборот: вместо удовольствия-то неудовольствие.

Наташа. Ну, не нужно, если не хотите. И без вас обойдусь.

Семен. Наталья Михайловна, да что серчать-то! Видите, я пошел.

Уходя, встречается с Медыновым. Наташа уходит в дом.

V

Медынов и Семен, потом Федосья Ивановна.

Медынов. Что бежишь?

Семен. Послали.

Медынов. Куда?

Семен. За барином.

Медынов. Зачем он?

Семен. Стало быть, понадобился. (Махнув рукой.) Пиши пропало! (Уходит.)

Медынов (в раздумчивости.) Да, действительно пропало... Много тут кой-чего пропало: хорошая девушка пропала, счастье семьи пропало, мои мечты пропали.

Федосья Ивановна выходит из кустов.

Федосья Ивановна. Вы еще, батюшка, не уехали?

Медынов. С мельником вашим все хороводились насчет подтопу.

Федосья Ивановна. Что вы как будто не в духе?

Медынов. Так, взгрустнулось... точно что от сердца отрывается... Хорошо, что я вас встретил... поговорить хочется. Не то чтоб я утешенья ждал, а так вот... хочется поговорить, да и все тут; скучно будет домой ехать, ни с кем не поговоривши.

Федосья Ивановна. Ну, что ж, поговорим, если угодно.

Медынов. Я виноват перед вами.

Федосья Ивановна. В чем это, батюшка? Вот уж не знаю.

Медынов. А вот в чем!.. Робок я и нерешителен; давно бы мне надо было поговорить с вашей внучкой, а я все ждал чего-то. А сказать было что.

Федосья Ивановна. Ну, теперь скажите.

Медынов. Поздно. Теперь уж она меня слушать не станет... не станет, бабушка, не станет.

Федосья Ивановна. Ну, что ж с ней? Я тут ни при чем. Не заставишь, коли не хочет.

Медынов. Ну вот, значит я и виноват. Давно бы мне надо было ей сказать, что я люблю ее; а я все ждал, когда она станет улыбаться мне послаще. Я ведь чудак; меня и барышни ловили немало, да на что мне они? В моей хате с длинным-то хвостом и повернуться негде. Вот я ждал, ждал, да и дождался: стала она сладко улыбаться, да только не мне.

Федосья Ивановна. Что ж делать! Насильно мил не будешь. А вины вашей я все-таки никакой не вижу.

Медынов. Вот какая моя вина: кабы я пораньше догадался, так, может быть, и не случилось бы того, что теперь вышло.

Федосья Ивановна. А что ж такое теперь вышло? Нет, вы позвольте... вы мне скажите!

Медынов. Скажу. Знаете ли вы, бабушка, что прежде девки попроще и поглупее были?

Федосья Ивановна. Знаю.

Медынов. Только о любви и думали.

Федосья Ивановна. Знаю.

Медынов. Ну, их на эту удочку и ловили.

Федосья Ивановна. И это знаю.

Медынов. Теперь девушки уж не так малодушны, теперь они поумнее.

Федосья Ивановна. Да, это правда ваша.

Медынов. Теперь стали рассуждать о высоких предметах, которых они не понимают. Ну, и ловцы удочку теперь переменили: ловят их на высокие предметы. А ловцы-то все те же, мерзость-то все та же: холодное, бессердечное обольщение. Это старая, скверная привычка, которую давно пора бросить. Как-таки человек не может пройти мимо девушки, чтоб петлю не закинуть, чтоб не попробовать запутать да с толку сбить? А еще образованными называются.

Федосья Ивановна. Да про что вы? Не понять мне тут ничего. Как это на высокие предметы ловить? Наташа у меня не такая; я ее пуще глазу берегу. Да и недолго мне любоваться-то на нее, уходит она от нас.

Медынов. Уходит? Так, так. Вы желаете знать, как это на высокие предметы ловят? А вот так и ловят, как вашу Наташу поймали. Коли это только угар, так он вылетит, тогда и меня вспомните! А коли серьезно, так простите мою вину, что не успел я, прежде других, запутать ее красивыми словами, я все-таки честнее. Прощайте, бабушка! (Уходит.)

Федосья Ивановна. Ну вот, что наговорил. И сам-то как полоумный, да и меня-то с толку сбил. А видно, очень видно, что любит Наташу-то. Вот и мечется, бедный, и толкует бог знает что.

Уходит в дом. Входят Семен и Евлампий.

VI

Семен и Евлампий.

Семен. Тут была, сюда и звать велела.

Евлампий. Хорошо, я подожду... Ну, что же ты... Ступай!

Семен. Евлампий Михайлович, дозвоьте пару слов молвить.

Евлампий. Что такое?

Семен Я к тому, что пожаловали вы к нам на время, а не наделать бы греха навек.

Евлампий. Ты о чем это?

Семен Да все о том же; я насчет Натальи Михайловны...

Евлампий. Ну, любезный, будь же поумнее! Не лезь не в свое дело! Я тебе советую.

Семен. Как не в свое? Собственное-с. Может, по вашему рассуждению такое дело для вас только одна забава, а для меня это погост. Известно, барская повадка завсегда одна, значит, насчет женского пола... чтобы слободно и без всякого разбору и без сумления; ну, а я через это самое тоску свою нашел.

Евлампий. А нашел свою тоску, так и тоскуй. Мне-то что!

Семен. Однако позвольте... Но только ежели что-нибудь худое выдет, ну в те поры разговор у нас с вами будет необнаковенный.

Евлампий. Ну, уж будет! Поговорил, и довольно; пора и честь знать.

Семен. Жизни своей решусь, а уж и вашему здоровью от меня солоно придется... Работа будет знатная.

Евлампий. Что?

Семен. Только и всего! (Громко.) Наталья Михайловна!

Входит Наташа.

Доложил-с. Теперь, стало быть, наше почтение. (Уходит.)

VII

Наташа и Евлампий, потом Федосья Ивановна.

Наташа. Евлампий Михайлович, вы чем-то недовольны? Может быть, сердитесь за то, что я посылала за вами?

Евлампий. Нет... Но знаешь... неприятности там... дома; впрочем, все это пустяки. Ты подле меня - и чего ж мне еще желать, о чем думать! (Берет Наташу за руку. Увидав кольцо.) Что это? Серебряное кольцо? Какая наивность! Охота тебе носить такую дрянь. Надо его бросить.

Наташа (отнимая руку). Ах, нет... я не брошу.

Евлампий. Ну, подари мне.

Наташа молчит.

Жалко?

Наташа. Не жалко, а... зачем вам?

Евлампий. Затем, чтобы подарить первой попавшейся маленькой девчонке. Ну, носи, если тебе нравится... сама скоро бросишь. Но, Наташа, будь повеселей, довольно серьезничать-то!

Наташа. Да ведь я... я уйду отсюда.

Евламий. А, неужели? Решилась, Наташа? Отлично! И это уж окончательно, без поворота?

Наташа. Без поворота. Бабушка меня отпускает.

Евламий. Браво, браво! (Хочет обнять Наташу.)

Наташа (уклоняясь). Ах, Евламий Михайлович! Нет... позвольте! В эту минуту ласкам нет места, она слишком торжественна для меня. Нарушать эту торжественность мне кажется очень легкомысленным. Ведь я делаю очень... очень смелый, решительный шаг. Я бросаю все, чем жила до сих пор... Здесь много пошлого, неприглядного; но здесь все родное мне, здесь мне все знакомо; а впереди у меня все неизвестное... потемки... Что там за люди, как там живут, я ничего не знаю... В этих потемках у меня один только свет... это вы, и я смотрю на вас, как на опору.

Евламий. О, еще бы! Придет время... я... я... все сделаю... (Обнимает Наташу.)

Наташа. А уж я-то! Я буду работать, учиться... старательно, постоянно... Посмотри, я скоро сделаюсь достойной тебя. Дорогой мой, вся душа моя будет принадлежать делу и тебе. Я забуду весь мир, чтоб жить для тебя, чтоб дышать одним тобой! Да я... не знаю... всего этого мало за то, что ты сделал для меня. Ты воскресаешь меня, ты даешь мне новую жизнь, о которой я без тебя и мечтать бы не смела.

Евламий. О, да какая ты умная, какая ты умная! И сколько огня! Прелесть! (Горячо обнимает и целует Наташу.)

Наташа (освобождаясь). Ах, пожалуйста!.. Нет, нет... нехорошо.

Евламий. Наташа, Наташа, это скучно наконец. Когда ты бросишь эту глупую деревенскую застенчивость?

Наташа. Ты думаешь, что это застенчивость?

Евламий. Да, застенчивость, которую уж надо оставить.

Наташа. Да, конечно...

Евламий. Что "конечно"?

Наташа (стыдливо). Можно, пожалуй, и... оставить, когда знаешь... когда уверена...

Евламий. Ну, и знай, и будь уверена!

Наташа. Помнишь ли, что ты сказал мне? А я все твои слова помню, ими только и живу. Ты сказал мне: мы будем трудиться, мы пойдем рука об руку. Это ты говорил.

Евламий. Да, да, я... И мы сделаем это. Я скоро уезжаю. Вместе нам нельзя уехать отсюда, неловко; ты поедешь на другой день после меня.

Наташа. О да, я полечу на крыльях.

Евламий. А я пока найму квартиру; ты приедешь, уж будет все готово. Жить на разных квартирах двойной расход, да и нет никакой надобности: Петербург ведь не уездный город, там всякий знает только сам себя, а до других дела нет; там это не в диковинку... Мы будем жить вместе.

Наташа. Как? Сейчас и вместе?

Евламий. Что значит "сейчас"? А то когда же еще? И сейчас и не сейчас, всегда вместе.

Наташа (с испугом). Что... это? Что вы говорите?

Евламий. Да что ж мне еще говорить, милая моя? Я говорю, что чувствую, что знаю, что я и сделаю.

Наташа (отшатнувшись). Да вы подумайте!

Евламий. Да что тут думать и об чем? Кто любит, тот не думает, а кто думает, тот не любит, а лжет.

Наташа (горячо и со слезами). Да нет, нет! Я люблю вас... я клянусь всем, что есть для меня святого... только я люблю вас не так... я люблю вас, как брата.

Евламий. Это что еще? Все это вздор, все это глупость. Кто любит, тот жертвует всем. И ты для меня пожертвуешь всем. Да, Наташа, да? (Хочет обнять ее.)

Наташа (вырывается). Ах, оставьте! (Слабым голосом.) Бабушка!

Евламий. К чему тут бабушка и зачем слезы? Вот твоя любовь, о которой ты так громко говорила! Кто хочет начинать новую жизнь, тот должен бросить все предрассудки; да не только бросить, а насмеяться над ними. Надо сжечь корабли, чтобы уж не было возврата к этой деревенской пошлости.

Наташа. Боже мой, "предрассудки"! И вы называете это предрассудками?

Евламий. Да, предрассудки, которые так же глупы, как серебряные кольца, которые вы считаете какой-то драгоценностью, чем-то священным. Нужно очень немного смелости, чтобы стряхнуть эти предрассудки и эти амулеты. И я знаю, что у тебя этой смелости достанет.

Наташа. Нет. .., нет...

Евламий. Я помогу тебе, Наташа, милая Наташа. В моих объятиях ты забудешь все, кроме меня. (Обнимает ее.) Забудешь все, что надо забыть.

Наташа. Ах, бабушка!

Евламий (отходя). Удивляюсь Я на тебя. Ах, женщины! Кто вас разберет! Вы любите - и не любите; вы верите - и не верите.

Входит Федосья Ивановна.

Наташа. Боже мой, что со мной делается?.. Мне стыдно! Стыдно! Мысли путаются... в глазах мутится... Ах! (Падает в обморок на руки бабушки.)

Евламий уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Федосья Ивановна.

Пелагея Климовна.

Наташа.

Евламий.

Медынов.

Щемнлов,

Семен.

Декорация первого действия.

I

Наташа (сидит у стола, опустивши голову на руки), Федосья Ивановна и Пелагея Климовна (входят).

Федосья Ивановна. Нездоровится тебе, Наташа?

Пелагея Климовна. Какое нездоровье, с чего? Привередничает сидит.

Федосья Ивановна (Наташе). Головушка болит?

Наташа. Нет, мне теперь легче. Бабушка, вы не беспокойтесь, это пройдет, я скоро оправлюсь совсем.

Пелагея Климовна. Маменька, вам опять нейдет. Вы и теперь с вашим баловством. Она нас оконфузила перед господами, а вы к ней же с утешениями!

Федосья Ивановна. Оставь ты, прикуси свой язык!

Пелагея Климовна. Ну уж теперь пускай другой кто прикусит. Я терпеть этого не стану. Я ей покажу, кто я ей! Не хотела по чести сделать для матери, так я и власть имею. Ты думаешь, все стращать только буду? Нет, довольно!

Федосья Ивановна. Да, полоумная, что ты говоришь! Опомнись!

Пелагея Климовна. Вы-то придите в размышление, а я все помню. Добру выучили! Этому-то ремеслу, чтоб на шею вешаться, и без ученья можно ученой быть.

Федосья Ивановна. Что ты говоришь?

Наташа. Бабушка, не заступайтесь за меня.

Федосья Ивановна. Да ведь ты не чужая.

Пелагея Климовна. Она хуже чужой. Чужая-то больше пожалеет. Вот как по милости ее выгонят нас господа со двора - вот и надевай котомку.

Федосья Ивановна. Ну, не могу я слушать вздорных речей, не могу, лучше уйду от искушения. (Уходит.)

Пелагея Климовна. И чудесно. Авось без вас-то что-нибудь лучше придумаем.

Наташа. Маменька, вы считаете меня виноватой? Ну, согласна, ну, я виновата; чего же вы от меня хотите?

Пелагея Климовна. Чего? А очень просто, вот чего: бредни все из головы вон - и за Щемилова замуж итти. (Наташа отворачивается.) Что, не понравилось? Не по вкусу пришлось? А еще спрашиваешь: чего от меня хотите!

Наташа. Нет, маменька... я не отказываюсь, уж все равно, везде не слаще... все равно мне деться некуда. Так лучше уж я для вас угодное сделаю... по крайней мере вам польза будет...

Пелагея Климовна. Что ты, что ты! Да правду ль ты говоришь?

Наташа (опустив голову). Правду.

Пелагея Климовна. Хоть и вижу, что не от радости ты идешь за него, ну, да радость тебе после придет. Уж ты поверь мне! Вот умна стала, - так и слова худого не услышишь, а еще ласку материнскую увидишь.

Входит Федосья Ивановна.

А вот без вас-то мы, слава богу, и поладили. Покорилась, так и разговору больше не будет, слова не услышите.

Федосья Ивановна. Ну, и давай бог!

Пелагея Климовна. За ум взялась, идет за Щемилова.

Федосья Ивановна. Ох, радость-то невелика.

Пелагея Климовна. Ну, уж пожалуйста, оставьте ваши воздыхания! Не сбивайте с толку, у ней и так немного. Что, в самом деле! Враг я ей, что ли? Небось, хуже вас об ней забочусь?

Федосья Ивановна. Не шуми, не шуми! Согласна, так и бог с ней, ее дело.

Наташа. Да, бабушка, я согласна. Для себя не пришлось, так надо жить для других. Хоть вас с маменькой успокою, хоть кому-нибудь от меня польза будет.

Пелагея Климовна. Видите, как правильно рассуждает.

Федосья Ивановна. Правильно ли, неправильно ли, не мне ее отговаривать.

Пелагея Климовна. Да, уж конечно.

Федосья Ивановна. Евлампий Михайлович опять пришел, желает повидаться. Уж я не знаю, как и быть теперь.

Пелагея Климовна. Как быть? Калитку на запор - вот ты и понимай!

Наташа. Нет, не делайте этого. Пустите его.

Пелагея Климовна. Что-о? Да никогда, да, кажется, я...

Наташа. Маменька, это нехорошо, неприлично! Не стыдите себя и нас! Чего вы боитесь? (Твердо.) Я вас прошу, маменька.

Пелагея Климовна. Ну уж, пожалуй. Так уж и быть. И что это за фасоны такие!

Федосья Ивановна и Пелагея Климовна уходят.

II

Наташа сидит задумавшись, входит Евлампий.

Наташа. Зачем вы пришли?

Евлампий. На тебя поглядеть. Скажи, пожалуйста, что с тобой сделалось вчера? Ты не так поняла меня, Должно быть.

Наташа. Я глупа для вас, Евлампий Михайлович.

Евлампий. Гм, не нахожу.

Наташа. Да как же! Вы, человек умный, толкуете мне, убеждаете меня, а я не понимаю; ну, значит, я глупа, или...

Евлампий. Что "или"?

Наташа. Или вы не очень умны, коли не сумели растолковать мне хорошенько.

Евлампий. Оборот ловкий.

Наташа. Ну, а так как уж всем известно, что вы очень умный и образованный человек, так глупа выхожу я.

Евлампий (смеясь). Изволь, согласен.

Наташа. Видите, я себя не жалею, я готова признать ваше превосходство, готова признать за вами какие угодно достоинства, только бы вы...

Евлампий. Что?

Наташа. Оставили меня в покое.

Евлампий. А я хотел было еще раз попробовать, нельзя ли тебя убедить наконец.

Наташа. Нет, это напрасный труд.

Евлампий. Почему же?

Наташа. Потому что я ни одному вашему слову уж не поверю.

Евлампий. А ведь прежде верила же.

Наташа. Прежде вы были в моих глазах совсем другим человеком.

Евлампий. Я все тот же и никогда не был героем.

Наташа. Нет, вы были героем для меня. Вы воображаете, что мы уж совсем ничего не знаем, ни о чем не думаем, не мечтаем? Вы ошибаетесь. Когда вы сюда приехали, вы заговорили со мной именно о том, о чем я мечтала, да и многие из нас мечтают. То, что было неясно в моих мыслях и стремлениях, вы мне объяснили. Я ужаснулась той пошлости, в которой проходит здесь вся женская жизнь. Вы призывали меня к труду, указывали мне иные пути, указывали высокие цели, к которым многие из нас так рвутся. В своих собственных глазах

я стала выше, лучше, благороднее. Этим я была обязана вам; как же мне было не увлечься, не полюбить вас? Я считала вас пророком.

Евламий. А теперь?

Наташа. Извините!.. Вы уж очень скоро обнаружили себя... Вчера я поняла свою ошибку; я увидала, что ваши проповеди - только слова и больше ничего, что убеждениями и чувствами, которые я считала святыми, вы играли, как игрушкой, пользовались ими, как приманкой, чтоб опутать доверчивую деревенскую простоту. Но вам это не удалось; я скоро поняла, что вы неискренни, что мне учиться у вас нечему, что я лучше вас, чище, а пожалуй, и умнее.

Евламий. Ого, вот как!

Наташа. Да, правда. Я простая, мало ученая девушка, я знаю меньше вас, но то, что я знаю, я знаю твердо, я смотрю на жизнь и на свои обязанности серьезно, а для вас все шутки и забавы.

Евламий. Все это высокопарно и смешно.

Наташа. Когда вы меня хотели обмануть, вы говорили еще высокопарней, и вам не казалось это смешно. Ну, пусть я останусь высокопарной, это нужды нет... Я высокопарна, да честная девушка, а вы смешны, потому что, при всей своей хитрости, не умели обмануть меня, неученую, простую.

Евламий. Да я и не думал обманывать.

Наташа. Нет, нет, думали. Это вы теперь только отнекиваетесь, как вам не удалось. Что уж, не удалось обмануть, не удалось.

Евламий. Как хотите, так и думайте.

Наташа. Да уж нечего, нечего... Не удалось, поняли вас.

Евламий. А коли так, откровенность за откровенность. Вы сказали, что думаете обо мне, а я скажу, что думаю о вас. Вы набрались дешевой морали, которую в изобилии отпечатывают в азбуках и прописях, и воображаете, что выше этой премудрости ничего на свете нет. Все-то вам кажется грехом, от всякой малости вы отрешиваетесь. Все ваше несчастье в том, что вы не знаете, как порядочные люди живут. Если б вы жили в образованном обществе, вы бы увидали, что люди самые серьезные не боятся услаждать свою трудовую жизнь разными удовольствиями, что можно задаваться самыми возвышенными целями и в то же время, между прочим...

Наташа. Быть вашей любовницей.

Евламий. Да хоть бы и так. А теперь пока, извините, для современного человека вы смешны, а главное, скучны: вы способны навести такое уныние, что убежишь от вас за тридевять земель.

Наташа. Так бегите, счастливого пути!

Евламий. Прощайте! Может быть, и встретимся. Жизнь многому научает, может быть, и вы будете не так суровы.

Наташа. Довольно, довольно! Уходите!

Евламий. Послушайте, так не говорят; это неучтиво.

Наташа. Уходите, уходите!

Евламий (пожимая плечами). Впрочем, чего ж и ждать от вас. (Уходит.)

Входит Федосья Ивановна.

III

Наташа (стоит в раздумье), Федосья Ивановна.

Федосья Ивановна. Что ты задумалась?

Наташа. Ах, мне и досадно и стыдно... и самой себя и людей стыдно. Как это я не догадалась!

Федосья Ивановна. Ну да где ж, какой еще разум!

Наташа. А теперь я виновата... и не знаю, куда ж деться от стыда...

Федосья Ивановна. Кто богу не грешен.

Наташа. Да виновата я не перед одними вами, а еще...

Федосья Ивановна. Перед кем же?

Наташа. Перед Медыновым. Я его обижала, и обижала совершенно напрасно... Он говорил мне, что я буду у него прощенья просить, а я не верила, а теперь придется. А стыдно-то как!

Федосья Ивановна. Что ж не попросить, и попроси! Это дело христианское. Он здесь, у меня в огороде, чай пьет.

Наташа. Говорили вы обо мне что-нибудь?

Федосья Ивановна. Сказала, что ты идешь замуж за Щемилова.

Наташа. Что же он?

Федосья Ивановна. Только руками развел; даже слеза его прошибла. "Вот, говорит, охота хомут-то надевать. Кабы она умерла, говорит, так не знаю, больше ли бы я ее жалел, чем теперь".

Наташа (сквозь слезы). Ох, правда.

Федосья Ивановна. "Уж теперь, говорит, я к вам ни ногой".

Наташа. А вы попросите, бабушка, чтобы он зашел на минутку; мне у него прощенья попросить только.

Федосья Ивановна. Хорошо, скажу.

Входит Пелагея Климовна.

IV

Федосья Ивановна, Наташа и Пелагея Климовна.

Пелагея Климовна. Знатно барина-то выпроводила. Я-таки не утерпела, у двери послушала. Только не по-нашему... Меня бы напустить, так я бы его отчитала.

Наташа. Оставьте, маменька, не поминайте мне об этом, прошу вас.

Пелагея Климовна. Уж теперь не буду. (Ласково.) Щемиллов приехал, Наташа. Кончать, что ли?

Федосья Ивановна. Щемиллов приехал, так я в огород пойду.

Пелагея Климовна. Да оно и лучше, мы и без вас обойдемся. Слава богу, за словом в карман не полезу.

Федосья Ивановна уходит.

Наташа, я думаю, что канитель-то тянуть нечего. Отрезал - и к стороне.

Наташа. Маменька! Я готова все сделать для вас, все, но ведь не могу же я так жить, как он живет. Такая жизнь противна.

Пелагея Ивановна. О чем толкует! Да он для молодой жены все сделает.

Наташа. Все ли?

Пелагея Климовна. Все на свете; хоть каждый день балы давай. Как захочешь, так и будешь жить. Себя, говорит, заложу, а отказу ни в чем не будет. Звать, что ль?

Наташа. Зовите.
Пелагея Климовна (целует ее). Давно бы так. Вот теперь вижу, что дочь.
Ефим Лукич! Жалуйте-ка сюда.

V

Наташа, Пелагея Климовна и Щемилов.

Щемилов. Жалуем. Чем порадуете?
Пелагея Климовна. А вот уж пускай радость вам та скажет, от кого ее ожидаете.
Щемилов. Это ничего, пушай. Тем для нас приятнее.
Пелагея Климовна. Садитесь рядом да потолкуйте ладком, а мы пойдем проздравление приготовим.

Уходит. Наташа и Щемилов садятся.

Наташа. Ефим Лукич, скажите, как вы на меня смотрите?
Щемилов. Чего лучше требовать нельзя. Вот как смотрю-с!
Наташа. Не в этом дело. Я знаю, вы живете хорошо...
Щемилов (перебивая). Благодарим создателя. А будем еще лучше, как молодая хозяйка подле нас существовать будет. Это насчет съедобного или там нарядов каких... особенное будет.
Наташа. Мне ничего особенного не нужно. Я хочу знать, чего вы требуете от вашей будущей жены?
Щемилов. Диковина! Как чего требую? Знамо, чтоб хозяйка своему дому была и чтоб насчет закону все как следует, - по заведенному. Сказано: муж и жена, ну чтоб так оно и было. Боле чего еще? Ну, чтоб из повиновения ни боже мой! А в случае, чего боже сохрани, - чтоб сейчас и повинная. Потому, кто винится - я мягок. Конечно, не в рассуждении чего там... к примеру ежели... на стороне... а то и не живи на свете... во как! Что ж, чего тут? Со мной просто; как у людей, так и у нас.
Наташа (с нетерпением). Я не о том говорю. Ваши порядки я знаю. Но жить так, как вы, я не могу. Посвятить всю свою жизнь домашним заботам да кухне - я не желаю. Я хочу заниматься...
Щемилов. Чем только угодно. Канареек купим, на попугая разорюсь, коли пожелаете.
Наташа. Да нет, это все не то.
Щемилов. Может, музыку? Орган заведем, кадрили будет играть, "Не белы-то снега".
Наташа. Нет, я хочу заниматься делом... читать книги...
Щемилов. Книги? Гм... да... книги... Так-с. Что ж... оно можно и книги, только какие читать будешь, а то этого добра по нынешнему времени оченно с разбором надо касаться. Как ежели... да чего боже сохрани... так лучше ну их совсем! Потому мы на хорошем счету состоим, чего лучше требовать нельзя. Я, признаться, в них большого скусу не вижу.
Наташа. Ну, а я чувствую потребность. Я открою школу - буду учить, сама буду учиться. Тогда по крайней мере моя жизнь не будет пуста, и вы за это от меня будете видеть хоть какое-нибудь чувство, хоть благодарность.
Щемилов. Позвольте, это как же так-с? Стало быть, вы нашей супругой будете и при всем том желаете в учительши? Это на что ж похоже-с? Нет, это

дело не подойдет-с. Чтоб эта шершавая команда у меня полы гадила да гомон целый день в доме стоял? Нет-с, уж слуга покорный. Потому у нас первое дело, чтоб в доме чистота и тишина. Вы эту музыку, уж сделайте ваше такое одолжение, из головы вон выкиньте. Ни тепериче, ни опосля согласия моего на такое столпотворение не будет. На наряды хошь триста рублей, а от таких подобных беспорядков в своем собственном жилище... да избави господи!

Наташа. Можно особое помещение отвести, небольшой флигель выстроить.

Щемилов. Нет-с... Мне и слушать-то такие разговоры непристойно. Потому при всей моей солидности да вдруг этакое малодушество!.. Да мне в люди показаться нельзя будет; мне все глаза просмеют. Всякое удовольствие для вас сделаю, а чтоб ни книжек, ни ребятишек и никаких пустяшных делов и в заведении не было. А то выйдет промежду нами такое неудовольствие, чего хуже не надо.

Наташа. А если так, зачем же я пойду за вас?

Щемилов. Да и я то же думаю. Нет, уж если вы можете без этих мечтаний, так очень приятно, а то лучше отнеси бог.

Входят Медынов и Федосья Ивановна и останавливаются у двери.

Наташа. Так неужели же вы полагаете, что я за вас иду по любви или из-за ваших денег? Я соглашалась для родных... для их спокойствия; вы не понимаете меня! Мне нужно какое-нибудь занятие, дело, а то я должна иссохнуть, умереть. Ведь мне легче в колодец броситься, чем идти за вас.

Щемилов. Да, не придется, потому нам этакие неподходящи. Модности-то эти ваши нам - ох, как солоны! Ищем мы себе, примерно, утеху, а мозоль нажить не желаем.

Наташа. Говорите теперь, что угодно. От вас-то я уж не обижусь.
(Закрывает лицо руками.)

Медынов (подойдя к Щемилову). Уходить бы тебе, я так думаю.

Щемилов. Уходить? Это верно. Одно дело осталось. Эх, пропадай наше доброе! Благодарим, что не потаились. Фу, инда жарко стало! Вот так утеха! От такого лиха бежать скорей. Отнес бог!

Медынов. Не довольно ли разговаривать-то? Чай, и кончить пора?

Щемилов. Да уж мне тут разговору нет.

Входит Пелагея Климовна с вином и закуской на подносе.

Вот с кем я поговорю. (Идет к двери.)

Пелагея Климовна (идет за ним). Что, батюшка, угодно?

Уходят Щемилов и Пелагея Климовна.

VI

Наташа, Медынов, Федосья Ивановна.

Наташа. Смейтесь, смейтесь надо мной; я этого заслуживаю.

Медынов. Не стану смеяться и другим не позволю. В вашем положении ничего нет смешного.

Наташа. Вы жалеете меня, Алексей Парфенович? Спасибо вам! Стыдно мне глядеть на вас... Забудьте, что я говорила вам вчера... Простите меня!

Медынов. Да я уж и забыл давно.

Наташа. Вы мне вперед говорили, что я буду у вас прощения просить, я не верила. Вот и пришлось, - вы правы были.... Вы, должно быть, всегда правы... Но позвольте же и мне, Алексей Парфенович, сказать хоть несколько слов в свое оправдание.

Медынов. Да зачем; не нужно вовсе.

Наташа. Нет, позвольте, надо. Вы, может быть, не так думаете обо мне. Ведь не им только увлеклась я. Какие горячие речи!.. Какие честные, хорошие мысли!.. Ведь и мы здесь слышали о новых людях; вот и ждешь, и ждешь, хоть бы поглядеть-то на них. Как же было не закружиться голове, когда он заговорил. Вот, думала, тот новый человек, которого я ждала, о котором мечтала.

Медынов. Да перестаньте, ради бога! Пикарцев - новый человек! Что в нем нового? Только платье, а мозгам да всей-то его душонке сто лет с хвостиком. Кто неустанно работает, кто честно дело делает, тот и новый человек. Нового человека сейчас узнаешь, у него от лица светится.

Наташа. Ах, как недостойно я поступала с вами; как больно мне вспоминать об этом. Простите меня, ради бога!

Медынов. Да довольно уж вам прощения-то просить; поговорим об чем-нибудь другом, хоть о погоде.

Федосья Ивановна. Да полно тебе убиваться-то! Алексей Парфенович твою обиду давно забыл. Кабы ты знала, что он о тебе вчера вечером со мной говорил! Сказать, Алексей Парфенович?

Медынов. Говорите! Я затем и пришел. Что в жмурки-то играть!

Федосья Ивановна. Да ведь он тебя любит... И уж не знаю, за мои ли молитвы, за твою ль простоту тебе бог дает... Ну, как это сказать? .. Ведь он все-таки не равный... все-таки барин... не то что Семен; тот сватается; ну, а он, скажем хоть так, тебя замуж берет.

Наташа. Ах! (Закрывает лицо руками.)

Медынов. Ну, давайте руку! Что тут долго разговаривать-то!

Наташа (в смущении). После, после, не теперь!

Медынов. Чего еще ждать-то? Уж я ждал довольно. Не игрушки ведь это... Я вам руку даю... А у меня где рука, там и голова.

Наташа медленно подходит, берет руку Медынова и крепко сжимает ее.

Ну, вот так-то; теперь крепко будет. Бабушка, целоваться не заставляйте, я стыдлив.

Федосья Ивановна. Ах, батюшка, да как хочешь.

Входят Пелагея Климовна и Семен.

VII

Наташа, Медынов, Федосья Ивановна, Пелагея Климовна, Семен.

Пелагея Климовна (у двери). Ах, ты... чтоб тебе пусто было! (Выходит на середину.) Уж как разобидел, уж как раскостил!

Семен. Да мало ль что он брешет; ничего он с вами не поделает. Одно слово - скорпион, но только все ехидство так при ём и останется.

Пелагея Климовна (Наташе). Это ты что же, сударушка? Опять меня в дуры превозвела?

Федосья Ивановна. Да полно ты шуметь-то! Протри глаза да погляди хорошенько!

Медынов (показывая Наташину руку). Видите? Вот она, тут!

Пелагея Климовна. Это что еще? Какие такие еще новости?

Медынов. Аль в зятя не гожусь? Не ожидали? Мало ль что бывает. Это чудо еще невеликое, и не то случается.

Пелагея Климовна. Ах, батюшка, да рада-радехонька. Что уж и говорить; дело это нехудое, а чего лучше ребовать нельзя.

Медынов. Ну, так и нечего толковать!

Разговаривает тихо с Наташей.

Семен. Это, значит, я сдуру-то на чужое веселье попал... что ж, видно, так тому и быть. Проздравляю. Потому, Наталья Михайловна, уж коли вам судьбу свою надо было найти - так уж лучше и, значит, душевнее Алексея Парфеновича во всем белом свете не сыскать! Выворачивалось у меня сердце наизнанку и, может, еще будет выворачиваться, а все же, так надо сказать, что слава богу.

Пелагея Климовна. Ну, уж теперь Щемилов со мной не разговаривай! Больно ему высоко до меня, много я его превозвышенной стала.

Семен. Проздравлять, так проздравлять. И сейчас сантуринского. (Подходя к столу.) Это оно, что ли?

Пелагея Климовна. Оно самое.

Семен (берет рюмку). Чинно, тихо и с поклоном. Алексей Парфенович, Наталья Михайловна! Проздравляем и очень много всякого благополучия желаем. Вот и конец!

Федосья Ивановна |

Давай бог, давай бог!

Пелагея Климовна |